

— Когда господин и госпожа были живы, молодой хозяин не был таким холодным. В детстве он улыбался каждому, был очень ласковым и любил приставать к маме с нежностями, — сказал дядя Ли.

Он замолчал, словно погрузившись в воспоминания о давно минувших днях.

Услышав слово «нежности», Гу Бай невольно вспомнил Мокку, которая тоже любила ластиться. Ему было трудно представить, как Чу Цзэшэнь с его нынешним образом мог быть таким.

— Перемены в доме семьи Чу произошли, когда молодому хозяину было семь лет. За неделю до его дня рождения господин и госпожа уехали в командировку за границу. За день до возвращения, по дороге в аэропорт, с ними произошёл несчастный случай... они погибли, — голос дяди Ли дрогнул, и он с трудом сдержал слёзы.

Гу Бай молчал. Он молчал из-за трагедии, постигшей родителей Чу Цзэшэня, и из-за того, что судьба его собственных родителей в прошлой жизни была столь же трагичной.

Тот же возраст, те же родители, оказавшиеся за границей, та же дорога в аэропорт...

— Старейшина Чу и его супруга, поседевшие от горя, потеряли своих детей. Они поддерживали друг друга, и молодой хозяин постепенно стал замкнутым и серьёзным. Только с близкими он иногда позволял себе улыбнуться. Он всегда был очень умным, и старейшина Чу часто говорил, что ему не нужно беспокоиться о воспитании внука. Но на самом деле он очень переживал за него. В таком юном возрасте Чу Цзэшэнь уже взял на себя все обязанности.

— После смерти господина и госпожи здоровье старейшины Чу тоже пошатнулось. В то время в доме семьи Чу царил хаос. Второй дядя, брат отца, жаждал занять место главы компании «Чу». Он даже созвал совет директоров, пытаясь убедить старейшину передать ему управление, аргументируя это тем, что молодой хозяин слишком юн и неспособен управлять компанией. Тогда Чу Цзэшэню было всего четырнадцать лет, и хотя он уже хорошо разобрался в управлении, из-за возраста директора не поддержали его. Старейшина Чу, несмотря на давление, объявил, что пригласил CFO из-за границы, но на самом деле молодой хозяин постепенно начал брать управление в свои руки.

— Официально Чу Цзэшэнь возглавил компанию «Чу» в день своего совершеннолетия, когда ему исполнилось восемнадцать. Мечты второго дяди о власти рухнули, но он не сдался. Пока молодой хозяин только входил в курс дела, он устроил ему палки в колёса. Тогда старейшина Чу лично предупредил его, и он на время успокоился. Но теперь он снова начал действовать, так как его дети выросли, и он почувствовал опору, чтобы снова претендовать на то, что ему не принадлежит.

Итак, сегодня днём к Чу Цзэшэню приходил тот самый второй дядя из семьи Чу.

— Но разве он не был переведён дедом? — спросил Гу Бай.

Судя по всему, второй дядя всё ещё боялся старейшины Чу.

Дядя Ли нахмурился:

— Его перевели, официально — по служебным причинам, но на самом деле это было из-за личных дел. Старейшина Чу использовал служебный перевод как предлог, так как реальная причина была слишком грязной, чтобы озвучивать её открыто. Но второй дядя всё ещё надеется, что сможет бросить вызов молодому хозяину, даже если это будет стоить ему всего.

Гу Бай понял. Срочные дела, о которых говорил Чу Цзэшэнь, были связаны с этим. Это было что-то между семейным и деловым, и он знал, что такие ситуации самые сложные для решения.

В прошлой жизни его больше всего раздражали родственники, которые ничего не делали, но считали себя вправе вмешиваться.

— Чу Цзэшэнь расстроен из-за того, что произошло сегодня днём? — спросил Гу Бай.

Дядя Ли, выговорившись, почувствовал облегчение. Гу Бай не был посторонним, он был законным супругом молодого хозяина, и они были одной семьёй.

— Да, из-за этого. Но если хотите узнать подробности, вы можете спросить его лично, когда он вернётся вечером.

Гу Бай удивлённо воскликнул:

— Я сам его спрошу?

Дядя Ли кивнул:

— Перед сном вы должны обсуждать личные дела. Это помогает укреплять отношения между молодожёнами, как вы. Молодой хозяин тоже будет рад рассказать вам.

Обсуждение личных дел перед сном? У них не было такого ритуала. Зато был ритуал — играть в игры перед сном. Чу Цзэшэнь, как и он, казалось, полюбил этот вид развлечения.

После работы обычно накапливается много напряжения, в голове крутятся дела дня и задачи на завтра, словно натянутая струна, которая не даёт расслабиться.

После такой жизни нужно немного отдохнуть, например, поиграть вместе в игры.

Гу Бай заметил, что в последнее время состояние Чу Цзэшэня улучшилось. Он больше не был поглощён работой двадцать четыре часа в сутки, как раньше.

В прохождении новейшей игры была и заслуга Чу Цзэшэня. Гу Бай легонько постучал пальцами по краю чашки.

— Я подожду его домой вечером.

Дядя Ли с удовольствием допил суп:

— Тогда я сегодня пораньше уйду, чтобы не мешать вам с молодым хозяином.

После ужина, когда Чу Цзэшэня не было дома, задача выгула Мокки снова легла на плечи Гу Бая.

Он вывел Мокку на прогулку в передний двор. Фонари уже зажглись, и газон был ярко освещён.

Гу Бай без цели гулял с Моккой, которая всё время пыталась снять с головы фонарь, то и дело поднимая лапу, чтобы сбросить его.

Гу Бай спокойно посмотрел на неё:

— Ты его не снимешь.

Мокка попыталась ещё пару раз, но поняв, что ничего не выйдет, смирилась. Хорошо, что они гуляли в своём дворе, иначе выходить на улицу с таким фонарём на шее было бы слишком позорно.

В середине прогулки Гу Бай устал и сел на скамейку, позволив Мокке гулять самостоятельно. Действительно, иметь собственный двор — это здорово, можно выгуливать собаку, не выходя из дома.

Вечер был прохладным, лёгкий ветерок ласково касался лица.

Гу Бай откинулся на спинку скамейки и посмотрел на небо. На чёрном небе светилось лишь несколько звёзд, а самолёт, мигая огнями, пролетел сквозь облака и исчез.

Он невольно закрыл глаза. В прошлой жизни в это время, в сентябре, он был за границей, на

презентации нового продукта компании «Гу».

Теперь он наслаждался прохладным вечерним ветерком, что было недостижимой мечтой в прошлой жизни. Если бы такое случилось тогда, рядом с ним обязательно был бы ассистент, и он бы везде таскал с собой ноутбук, чтобы решать рабочие вопросы.

Хотя такая спокойная жизнь длилась всего два месяца, ему она нравилась всё больше. Он был бы рад прожить так всю жизнь.

Гу Бай глубоко вздохнул, отпустив все мысли.

Прошло время, и вокруг стало непривычно тихо. Раньше слышалось, как Мокка бежит с мячом, но теперь даже шагов не было.

Первое, что пришло в голову Гу Баю, — Мокка, этот проказник, снова что-то натворила.

Он, не открывая глаз, позвал:

— Мокка.

Никакого ответа. Тишина.

Гу Бай открыл глаза и увидел не тёмное небо, а глаза, полные звёзд, которые под светом фонарей сияли ярче, чем звёзды на небе.

Чу Цзэшэнь стоял позади него, смотря вниз. Его рука, замершая в воздухе, остановилась, когда Гу Бай открыл глаза. Они смотрели друг на друга пару секунд, после чего рука опустилась и коснулась лба Гу Бая.

Пальцы подняли травинку с его лба, и Чу Цзэшэнь улыбнулся:

— Здесь что-то было.

Глаза Гу Бая невольно следили за движением пальцев Чу Цзэшэня. Когда пальцы остановились, его глаза тоже замерли.

Прикосновение оставило лёгкое ощущение на коже.

Гу Бай выпрямился и спросил:

— Где Мокка?

Чу Цзэшэнь опустил руку и сел на соседнюю скамейку:

— Я видел, как она потащила трость дедушки в задний двор.

Гу Бай: ...и пропустил трость стоимостью в шесть цифр.

Чу Цзэшэнь, увидев его выражение, засмеялся:

— Это подарок дедушки для Мокки. Пусть делает, что хочет.

Прятать вещи — это природа животных, особенно такой свободолюбивой, как Мокка. Она то шаловлива, то послушна, и это заставляет любить её, несмотря на все проказы.

Гу Бай временно отложил мысли о Мокке и спросил:

— Дело решено?

Чу Цзэшэнь, откинувшись на спинку скамейки, с лёгкой усталостью ответил:

— Вроде бы.

Гу Бай повернулся к нему. Не знал, было ли это его воображением, но казалось, что Чу Цзэшэнь в его присутствии становился более открытым, позволяя себе показать усталость, в отличие от того холодного человека, о котором говорил дядя Ли, который всё держал в себе.

— Он всё ещё не хочет возвращаться в город Т?

Чу Цзэшэнь взглянул на Гу Бая, и тот честно сказал:

— За ужином дядя Ли рассказал мне, кто приходил сегодня днём, и я узнал кое-что о прошлом.

Он сделал паузу:

— Прости, если это тебя задело. Я больше не буду говорить об этом.